

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЛОРУССКИХ И РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕГАТРЕНДОВ

Вячеслав Щербин

Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, Беларусь

Проведение сравнительных, межстрановых исследований обусловлено целым рядом объективных причин, достаточно подробно описанных в публикациях компаративистов. Во-первых, «сравнение – это средство приобретения знания. Поскольку осознание единичного факта связано с пониманием многих фактов, поскольку частное мы лучше постигаем в свете всеобщих, универсальных представлений, проведение сравнения между государствами на межстрановом уровне в десятки раз увеличивает возможность объяснения того или иного явления. Исследователь, изучающий только одну страну, может интерпретировать как нормальное то, что на самом деле компаративисту представляется аномальным» [3, с. 19].

Во-вторых, как показывает практика сравнительных, межстрановых исследований, «существуют две главные причины проведения специфических межгосударственных сравнений. Одна из них связана с эмпирическим тестированием различных объясняющих гипотез, которые якобы выходят за пределы государственных границ... Вторая причина необходимости проведения специфических межгосударственных сравнений состоит в том, что лучше всего можно определить как доказательное разъяснение. Центральной задачей такого анализа является углубленное понимание особенностей какой-либо страны путем сопоставления ее опыта с опытом других государств» [6, с. 32].

Из перечисленных выше причин реализации сравнительных, межстрановых исследований для обоснования проводимого нами сравнительного анализа белорусских и российских социально-экономических мегатрендов больше всего подходит та, которая ориентирована на углубленное понимание особенностей одной страны путем сопоставления ее опыта с опытом другой страны. При этом выявление указанного опыта проводилось нами при помощи гипертекстового и контент-анализа на материале уже опубликованных описаний белорусских и российских социально-экономических мегатрендов.

Сравнение сформированных нами перечней белорусских и российских социально-экономических мегатрендов позволило выявить как общие для Беларуси и России мегатренды и тенденции (*тенденция естественной убыли населения, тенденция сокращения научного потенциала*

страны, тенденция падения образовательного уровня и профессионализма граждан, тенденция повышения спроса на высшее образование, тенденция формирования смешанной экономики и др.), так и специфические мегатренды, характерные только для одной страны (для Беларуси: тенденция к сокращению социогуманитарной составляющей в науке и образовании, тенденция к превращению хозяйственной экономики в экономику сотрудничества, тенденция мутации Беларуси в объект экспансии Запада и Востока, тенденция к технократизации научных кадров и др.; для России: тенденция сползания на сырьевую периферию мировой экономики, тенденция к политизации науки и научной деятельности, тенденция к примитивизации научно-технической сферы и др.).

Адекватную сопоставительную интерпретацию выявленных совпадений и расхождений между перечнями социально-экономических мегатрендов, наблюдаемых в народно-хозяйственной практике Беларуси и России, можно дать только в том случае, если определена основа для сравнений, так называемый *tertium comparationis* («третье сопоставительное»). В качестве такой основы для сопоставления национальных мегатрендов обычно выступают одноименные мировые мегатренды. Поочередное сопоставление выявленных белорусских и российских социально-экономических мегатрендов с одноименными мировыми мегатрендами показало следующее:

1) ряд общих для Беларуси и России социально-экономических мегатрендов полностью соответствует аналогичным общемировым мегатрендам. К примеру, белорусская тенденция массовизации высшего образования (Н. Л. Грибанова) и российская тенденция повышения спроса на высшее образование (О. Л. Гузакова) хорошо коррелируют с общемировой тенденцией к увеличению доли людей с высшим образованием (Л. П. Верёвкин, О. Л. Верёвкин);

2) ряд общих для Беларуси и России социально-экономических мегатрендов имеет иной (по сравнению с одноименным общемировым мегатрендом) вектор своей направленности. Так, белорусская тенденция естественной убыли населения (Н. Я. Кажуро) и российский депопуляционный тренд (О. Д. Захарова, Л. Л. Рыбаковский) кардинально расходятся с глобальной тенденцией к быстрому росту мирового населения (М. М. Ковалев, С. И. Пасеко);

3) ряд российских социально-экономических мегатрендов совпадает с одноименными мировыми мегатрендами, а сопоставимые белорусские мегатренды расходятся с аналогичными мировыми. К примеру, в современном мире наблюдается нарастающая тенденция расслоения жителей планеты по уровню жизни (Б. А. Малицкий) и ей полностью соответствует российский тренд увеличения различия между заработной платой

верхнего доходного дециля населения и заработной платой нижнего дециля до 30 и более раз (И. Н. Сиземская). В то же время белорусская тенденция к сохранению соотношения доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения на уровне 5,2 раза (К. В. Ковалевская) плохо коррелирует с одноименными мировым и российским мегатрендами, в чем нет, на наш взгляд, ничего плохого. Это именно тот случай, когда, «меняя тенденцию, можно уверенно получить нужную ситуацию» [5, с. 63], а именно ситуацию социальной стабильности в обществе;

4) ряд белорусских социально-экономических мегатрендов совпадает с одноименными мировыми мегатрендами, а сопоставимые российские мегатренды расходятся с аналогичными мировыми. В частности, как свидетельствует Ф. Фукуяма, «более богатые государства имеют тенденцию получать основную часть национального благосостояния через государственный сектор» [7, с. 44–45] и белорусская экономика развивается в рамках данной мировой тенденции, чего не скажешь о российской экономике: «В России в 1995 г. на долю негосударственной собственности приходилось 74 % основных фондов, а государственной – 26 %. В Беларуси в 1995 г. соотношение было противоположным – 24 % и 76 % соответственно» [4, с. 9].

Отмеченные выше различия в векторной направленности ряда одноименных белорусских и российских социально-экономических мегатрендов, на наш взгляд, являются в настоящее время главным препятствием на пути дальнейшего развития Союзного государства [2]. Ибо такое интеграционное объединение, как Союзное государство, может быть построено только в результате целенаправленной практической реализации принципа социальной справедливости, которая осуществляется обычно «путем налогового перераспределения доходов от богатых к бедным и загрузки трудоспособных, чтобы помочь еще или уже не трудоспособным» [1, с. 627]. При этом ключевую роль в реализации указанного принципа социальной справедливости должны играть стремящиеся к объединению государства, а не ориентированный исключительно на получение прибыли рынок.

Библиографические ссылки

1. Гриценко Н. Н. Формирование единой социальной политики на принципах социального государства // Перспективы интеграции на рубеже тысячелетий : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Минск : Аналит. центр НАН Беларуси, 2001. – С. 626–627.
2. Дедков С. М., Щербин В. К. Курс на социальную справедливость – ключевое условие дальнейшего развития Союзного государства // Гуманитарное сотрудничество – основа углубления интеграции и инновационного развития Союз-

ного государства : науч. материалы Межакад. совета по проблемам развития Союз. гос-ва / под ред. С. М. Дедкова, В. К. Егорова. – Минск : ЦСАиСИ НАНБ, 2012. – Вып. 4. – С. 100–118.

3. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология : пер. с фр. – М. : Ин-т соц.-полит. исслед.: Соц.-полит. журн., 1994. – 272 с.
4. Сравнительный анализ институциональной и социально-экономической динамики России и Беларуси (1990-е годы) / В. Н. Иванов [и др.] // Экономика и математические методы. – 2010. – Т. 46. – № 3. – С. 3–15.
5. Почепцов Г. Г. Стратегия: Инструментарий по управлению будущим. – 2-е изд. – М. : СмартБук, 2009. – 377 с.
6. Сандерс Д. Некоторые методологические соображения о сравнительных межгосударственных исследованиях // Междунар. журн. соц. наук. – 1995. – № 9. – С. 27–35.
7. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке : пер. с англ. – М. : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.

